

В.И. Шаховский

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград*

V.I. Shahovsky

Volgograd State Social-Pedagogical University, Volgograd

**СЕМАНТИКА И СЕМИОТИКА ОСКОРБЛЕНИЯ В КОНФЛИКТНОЙ
КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ
SEMANTICS AND SEMIOTICS OF INSULTS IN CONFLICT
COMMUNICATIVE SITUATION**

Ключевые слова: семантика, семиотика, конфликтная коммуникативная ситуация, оскорбление.

Keywords: semantics, semiotics, conflict communicative situation, insult.

Статья посвящена анализу правовой проблемы отграничения оскорбления от аффективного экспликатива с помощью эмотивной лингвоэкологии.

The article considers the analysis of legal problem of separating insults from affective explicative with emotive linguo-ecology.

“We are always in some mood”.

J.R. Searle

Целью данной статьи является анализ вопроса: может ли эмотивная лингвоэкология решить правовую проблему отграничения оскорбления от аффективного экспликатива.

Огромное количество публикаций в различных отраслях современной науки – психологии, психолингвистики, социологии, социолингвистики, философии, лингвофилософии, биолингвистики, компьютерной лингвистики, эмотиологии, концептологии, лингвокультурологии, коммуникативистики и др. – свидетельствует о все возрастающей эмоционализации глобального коммуникативного пространства, об интенсификации социальной, этнической, конфессиональной напряженности, переходящей в агрессию. При этом, по сути, ни один государственный институт стране не занимается проблемой повышения уровня терпимости в коммуникативном сообществе.

Ученые разных специальностей обеспокоены затяжной ситуацией эмоциональной напряженности и пытаются выработать рекомендации по применению различных тактик и методик, способствующих ее ослаблению. Мы обратили внимание на экологию эмоционального общения и пытаемся доказать путем приведения соответствующей аргументации зависимость здоровья языка, общества и конкретного индивида от правильного пользования языком – ценнейшим естественным средством общения, формирования и формулирования мысли, ее сокрытия и даже сокрытия ее отсутствия у говорящего субъекта.

Эмоции бросили серьезный вызов *homo sapiens* и его языку и фактически трансформировали *homo sapiens* в *homo sentiens*. Возможно, с этим связана доминирующая черта современной коммуникации – несдержанность эмоций во всех сферах человеческого общения, вплоть до деловой и даже дипломатической сфер: взаимные обиды, возрастающее количество судебных исков об оскорблении, о защите чести и достоинства. Такое положение в сфере речевого взаимодействия привело к появлению нового научного направления – юрислингвистики, созданию специальной организации – Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), членам которой суды обращаются за разъяснением спорных ситуаций, связанных с использованием оскорбительных или кажущихся оскорбительными высказываний.

Эмоционализация и экспрессивизация общения, снижение взаимной толерантности приводит и к широкому распространению мата. Об этом свидетельствует возрастающее в последнее время число изданий словарей русского мата (см., например: (Мокиенко, Никитина, 2010; SDORO, 1980; ZPRS, 1973) и др.), специальных статей о так называемой «матерной картине мира», диссертационных и монографических исследований (см., например, Жельвис, 1997). Такая картина мира формируется у коммуникантов с раннего детства, и не столько благодаря либерализации и демократизации норм общения, сколько по причине всеобщей криминализации общества. В этом случае все общество несет ответственность за распространение мата в практике речевой коммуникации. В одной из своих работ мы уже предлагали идею (ее подал аспирант А.А. Штеба) о том, что оскорбление не является бесконечно унижительным для адресата. Часто это реакция на определенный стимул: «Любое речевое противодействие является имманентной характеристикой речевого взаимодействия» (Черенков, 2011). После первой инстинктивной рефлексии на семиотику оскорбления его семантика все чаще и чаще получает реверсивное переосмысление адресатом, который начинает видеть его причину и пытается скорректировать свое отношение как к самому оскорблению, так и к адресанту, а значит, и изменить свое поведение, в том числе коммуникативное. Соответственно эмоции имеют креативную энергию: положительные эмоции – выраженную, отрицательные эмоции – потенциальную энергию. Как ни странно это выглядит на первый взгляд, оскорбление может быть педагогичным, т.е. оказывать положительное влияние на человека (см.: Селье, 1979).

Мы полностью согласны с К.А. Переверзевым, который утверждает, что «лингвистике малоинтересны данные беспристрастной действительности: она рассматривает мир сквозь призму языка и в модусе субъекта» (Цит. по: Семёнова, 2006: 6). Через этот модус кажимости можно усматривать воспитательный (положительный) потенциал любого конфликта, включая, в частности, и личностные оскорбления. Такой взгляд на ситуацию приводит адресата «в чувство» и заставляет меняться в лучшую сторону, но это не значит, что надо всем и всех оскорблять для улучшения «породы». Все-таки доброе слово, особенно вовремя сказанное, «породу» улучшает более

безболезненно, не говоря уже о том, что «доброе слово лечит», «доброе слово и кошке приятно». С другой стороны, бесконечно добрыми словами, комплиментами и особенно лестью («облить грязью похвал») можно избаловать и испортить человека. И тогда «в чувства его привести» можно только оскорблением или при помощи лексики очерняющей, умаляющей, унижающей человеческое достоинство захваленного коммуникативного партнера (Кара-Мурза, 2009). Получается замкнутый, бесконечно конверсируемый языковой круг, в котором вращается добро и зло и который подтверждает вечную справедливость гениального философского закона о единстве и борьбе противоположностей.

Эмоциональные дискурсивные практики демонстрируют открытое игнорирование норм толерантного общения. Толерантность – явление одновременно внутреннее и внешнее явление (ненавижу, но внешне должен выражать терпимость). Вынужденная толерантность обусловлена соблюдением правовых и этических норм общества. Но и эти нормы оказываются гибкими для разных субъектов речи. В специальной статье, посвященной сопоставительному анализу множества разнообразных формулировок, определений и дефиниций понятия «толерантность», имеющих в существующих на данный момент словарях, показано, что единое понимание содержания этого понятия отсутствует, особенно в области законодательства и права (Михайлова, 2011). Это еще раз доказывает справедливость мнения А. Вежбицкой о невозможности универсальных дефиниций одного и того же феномена и даже об их вреде, ибо каждая дефиниция является прокрустовым ложем, которое неизбежно огрубляет, обрубают понятие феномена и превращает его в усеченное понятие, в деформированное, неполное, кажущееся полным в целом, но для каждого субъекта всегда отличным от его интерпретации другим субъектом.

Так и непонятно, что же такое толерантность: всегда ли это преодоление себя, своего несогласия и невыражение последнего коммуникативному партнеру? Ведь за счет фактора субъективности у каждого коммуниканта порог толерантности свой, соответственно, и порог реагирования на вербальные стимулы-инвективы тоже свой. Отсюда то, что одни субъекты пропускают мимо ушей, для других является оскорблением и унижением личного достоинства. Приведем несколько примеров из специальных англоязычных словарей оскорблений: *Calling you stupid would be an insult to stupid people; Do you want to die stupid; Don't think it may sprain your brain* (см.: ID, 1988; CDIQ, 2000). В английской лингвокультуре существуют и специальные словари вежливых оскорблений (GBI, 2000): например, ситуация в парикмахерской – «*I have asked to shave me, not to scratch*»; в ресторане (возмущенно) – «*Have you added your age to the bill?!*». Жаль, что нет аналогичного словаря в русской лексикографии. И это тоже может быть перспективной задачей для эмотиологии.

Как уже отмечалось выше, в коммуникативном сообществе наблюдается общее снижение толерантности, повышенная обидчивость, обострение конкурентности, зависти, утрата добродетельности: нарушение нагорной

проповеди Иисуса Христа и библейской проповеди «Непротивление злу насилием»; «Если тебя ударили по правой щеке, то подставь левую»; «Помолись за здоровье твоего врага».

По свидетельству Е.С. Кара-Мурза, сегодня в России список единиц лексики мата почти составлен, и теперь нужны правовые меры для привлечения к ответственности за их публичное использование (из специальной программы «НТВшники: Россия без мата» от 22.10.2010). Эти слова Е.С. Кара-Мурза справедливы не только для использования лексики мата, но и для любого другого оскорбления в любой форме: обзывания, клеветы, распространения слухов и диффамации (Шаховский, 2011). Трудность заключается лишь в дефиниционном разграничении мата как оскорбления и мата как аффектива. А для этого необходимо создание толкового правового словаря аффективной (инвективной) лексики, фразеологии и выражений, снабженного когнитивно-дискурсивными дефинициями, которого пока еще нет даже в проекте, но составление которого могло бы стать одной из ближайших лексикографических задач эмотиологии.

Многое из обидного можно не замечать, если ввести в общение коэффициент «модус кажимости»: очень часто говорящие имеют ввиду совсем не то, что слышат адресаты. Форма слов значима, и каждый слушающий начинает эту форму своим смыслом. Отсюда и коммуникативные неудачи.

Только эмоционально нечувствительный субъект может быть всегда толерантен для окружения. Субъектам с нормальной эмоциональной психикой всегда приходится реагировать на неприятные, а тем более оскорбительные для них высказывания других субъектов либо внутренне, либо внешне (интериоризация / экстериоризация толерантности). Эти оскорбления могут быть реальными, т.е. интенциональными, а могут быть и кажущимися, т.е. ненамеренными и даже вообще не оскорблениями по своей семантике, хотя по форме они могут быть семиотично оскорбительными. Примером могут выступать такие категориальные эмоциональные ситуации (далее КЭС), когда явное по форме оскорбление (вульгарное слово с неприличной семантикой) с одинаково известной всем словарной семантикой не расценивается с правовой точки зрения, как оскорбление. Особенно если оно часто используется в бытовом общении и находится на грани сниженной и обиходной (стандартной) лексики языка.

Н.Д. Голев в одной из своих статей приводит случай, когда в актерской среде Станислав Садальский назвал певицу Азизу Мухамедову публично «*бл ... ю*». Фрагмент соответствующего интервью, содержащего эту инвективу, был опубликован в «Экспресс-газете» и поэтому стал достоянием общественности. Кажущееся по своей форме оскорблением, данное слово лингвистическая экспертиза не признала оскорбительным в силу контекста своего употребления. Такой конситуацией (дискурсом) послужил сам стиль данной газеты, для которого слово «*бл...*» является «не ругательным, а своим, житейским, находящимся на самой грани просторечной лексики» (Голев, 1999: 24).

Этот факт можно объяснить тем, что «истина или видимость находятся не в предмете, поскольку его созерцают, а в суждении о предмете, поскольку его мыслят» (Кант, 1964).

Напротив, в статье А.В. Минкина «О вежливости» (Минкин, 2011) приводится случай, когда совершенно простой и дежурный вопрос журналиста Роберта Томсона Президенту РФ Д.А. Медведеву «Будете ли Вы выставлять свою кандидатуру на пост президента в будущем году?» вызвал у него почти оскорбительную реакцию («будто бы Вас оскорбили» – А.В. Минкин). Вопрос был обрамлен в красивую лирическую эмотивно-экологичную рамку и в достаточно искреннюю просодию. Этот вопрос действительно сейчас волнует весь мир. Ответ Президента получился пространным и продемонстрировал его обиду, а по форме он оказался менторским и, наверняка, в свою очередь обидел задававшего вопрос репортера, да и некоторую часть аудитории, присутствовавшей на форуме. Это тот самый случай, когда ни один, ни другой не собирались никого обижать или оскорблять, но обида все-таки произошла, а ситуация их общения превратилась, по словам А.В. Минкина, в конфликтную.

Частично научное объяснение такому положению вещей в мире, по нашему мнению, может дать теория лептонов из другой сферы научного знания. Согласно этой теории, лептоны являются носителями человеческих чувств и мыслей. Существует единое лептонное поле всего человечества, внутри которого находится ядро, а вокруг которого расположены его информационно-энергетические «двойники». Квантовая оболочка особо энергонасыщенна и при определенных условиях может быть видимой (см., например, у святых и не только у них в иконописи изображение светящегося полукруга над головой). Экспериментально доказано, что человеческими усилиями воли можно выделять из себя лептонного двойника - информационно-энергетические мысли и чувства (эйдосы).

Эта область знаний еще совсем не использовалась лингвистикой эмоций, а между тем, исходя из биологической теории языка (Матурана, Варела, 2001), эмоции человека составляют важнейший биологический фактор, который может формировать еще один язык эмоций. Мы уже писали о многоязычии эмоций (Шаховский, 2009). В силу амбивалентности эмоций и их зависимости от ситуативной актуализации, они могут быть поливалентными. Каждая из эмоций способна становиться дуальной, конверсироваться, реверсироваться, конвергироваться / кластироваться, что усугубляет итенциональность и тенциональность межперсонального, группового, социального, массового общения. Именно поэтому в каждой конкретной КЭС бывает сложно определить даже знак, не говоря уже об оттенках эмоции. Отсюда и обида может быть напрасной, а оскорбление неоднозначным - по форме это может быть оскорбление, а содержательно – нет, а также или наоборот.

Многоязычие эмоций подтверждает и так называемый фантомный язык (Шаховский, 2008). Это язык без слов, он биоэнергетический, он обволакивает фигуру человека в виде биологического скафандра, одним из материалов которого являются лептоны. В отдельных случаях эти скафандры, по нашей гипотезе, могут отделяться от человека, создавая его двойника, что также

работает на теорию модуса кажимости, ибо эти двойники могут казаться, создавать видимость своего оригинала. Такие двойники являются субъективными, так как они вторичны, производны от самого субъекта. Они также могут оказывать вторичное влияние на субъект, образ его мышления, могут провоцировать оригинал на приписывание словам, предметам, феноменам ту семантику, которая является не сущностной для них, а приписываемой, т.е. кажущейся. Эти фантомы не являются клонами, это всего лишь биологические сгустки человеческой эмоциональной энергетике, довольно мощной по своему информационному потенциалу. А протуберанцы этих сгустков в виде биомагнитных волн, по нашей гипотезе, могут достигать в длину десятки и сотни километров и тем самым обеспечивать общение с помощью беззвучного языка мыслей на расстоянии.

По имеющемуся в электронном ресурсе определению, лептоны – это класс элементарных частиц, не обладающих сильным взаимодействием, т.е. участвующих лишь в электромагнитных, слабых и гравитационных взаимодействиях. Название «лептон» (от греч. leptós - тонкий, лёгкий) связано с тем, что их масса меньше масс всех других частиц (Большая советская энциклопедия // http). Несмотря на эту тонкость и лёгкость, лептоны укрепляют фантомный скафандр человека и усиливают энергетическую мощь его эмоций.

Суммируя сказанное выше, подчеркнем: не любое семиотическое оскорбление является семантическим и прагматическим. Оно может лишь казаться оскорблением, являясь на самом деле всего лишь эмоциональным выплеском, экспликативом говорящего – эмоциональной реакцией на внешний стимул со стороны речевого партнера, но не оценивающей его и потому являющейся кажущимся оскорблением. Для некоторых объектов оценки фантомные скафандры являются барьером, не пропускающим смысл оскорбления к сознанию объекта. А некоторые фантомные скафандры через свои лептонные слабости и тонкости пропускают семиотику совместно с семантикой таких вербалий, и они либо кажутся, либо на самом деле являются интенциональными оскорблениями. Ср.: *«Вот, бл...ь, какие у нас дела!»*, *«Какая же ты все-таки бл...ь ... полная!»*. Одна и та же инвектива в первом случае является неоскорбительной экспликативной частицей, а во втором – адресным оскорблением.

Непонимание, незнание сильного слова, но ощущение его интонационной энергетике ведет к неадекватному эмоциональному восприятию, чувственному и рациональному, к конфликтам, обидам, ответным неадекватным высказываниям и даже судебным искам, разрывам личных отношений, распаду семьи и т.п.

Модус кажимости: пассионарность оскорблений реальных и кажущихся

«Мы говорим о реальности, если, конечно, таковая существует».

Г. Фреге

Перейдем к изложению основных теоретических и эмпирических положений модуса кажимости. В докторской монографии Т.И. Семёновой отмечается следующее: нам не дано увидеть мир таким, какой он есть на самом деле (2006). Ей вторит мнение С.Г. Шафикова о том, что «языковое мировидение есть фикция, а каждый язык один и тот же мир видит и описывает по-иному; наивное мировидение – результат поверхностного наблюдения» (Шафиков, 2007: 250). Для всех пользователей языка характерно в основном наивное видение мира, а отсюда и наивное его оценивание, и наивное переживание этой оценки. Сколько людей, столько и моделей мира, его восприятия, эмоционального реагирования.

Эмоции человека – не от окружающего его мира, а от того, как именно он его воспринимает / видит – а видит он и ощущает не то, что есть на самом деле, т.е. не реальный мир, а кажущийся; и видит человек не весь мир, а только самую его малость (для сравнения можно привести ту узкую щёлочку между закрытыми ставнями окон, через которую человек видит окружающий его мир). Индивидуальное восприятие того, что человек видит через эту щёлочку и даже то, что он видит без неё, приписывает свойства всему тому, что он видит, оценивает их и даже переживает эту оценку. Поэтому эмоции часто не имеют реальной когнитивной подкладки, а являются тоже вымышленными. Они могут быть реальными по нереальным основаниям. И в этом сложность определения, где они обоснованы, а где они выдуманы, хотя и семиотически опознаваемы.

Так, в примере *I shall hate till I die, you cad – you low-down – What was the word she wanted? She could not think of any word bad enough* (M. Mitchell), Скарлет в своем пассионарном обличении Рэта не может подыскать адекватную ее беспредельному возмущению и ярости инвективу. Поэтому она использует серийное оскорбление из нескольких инвектив, как ей кажется, одна сильнее другой, но даже вместе недостаточных по своей аффективной семантике, чтобы задеть (оскорбить) Рэта. Но его было невозможно этим «достать», т.к. оскорбительные по форме инвективы Скарлет не были для него оскорбительными по их семантике: он очень ее любил и долгое время терпел все ее пассионарные выходки.

В следующем высказывании Скарлет *“Let him go”, she said. “He is a traitor, a speculator! He is a viper, that we have nursed to our bosoms!”* (M. Mitchell) тоже используется серийное оскорбление, но не адресное, а о третьем лице, и потому менее пассионарное по своему воздействию. Но мотив его серийности тот же: реализация/экспликация сильных эмоций говорящего, т.е. выплеск эмоций. КЭС показывает, что эта серия менее оскорбительная, а может быть, и вообще не оскорбительна для того, о ком это говорится. Приведем еще один пример из драмы У. Шекспира: *“... that dog, that had his teeth before his eyes, that bottled spider, that toad”* (W. Shakespeare).

Оскорбительна или не оскорбительна инвектива для адресата, зависит от многих причин: настроя последнего – не хочет оскорбляться, не авторитетен для него источник оскорблений, не видит никаких оснований для них и потому не принимает их всерьез.

Под эту эгиду попадают целые ситуации и целые высказывания как часть этих ситуаций. Так модальная / модусная рамка высказывания «*Какой же ты осёл!*» в определенной ситуации может характеризовать лишь какой-то момент «ослиности», а не в целом весь набор ее признаков (упрямство или тупость, а не хвостатость, ушастость, копытость и др.). Эта модальная рамка декодируется следующим образом: «*Ты плохой!*» (оценка) + «*Тебя можно сравнить с ослом, т.к. ты такой же упрямый*» (в данном конкретном случае), т.е. «*Ты как бы осёл*» (интенсификация плохости через образность) = экспрессивность; далее: «*Поэтому ты мне не нравишься, т.к. это меня раздражает, и я хочу, чтобы ты об этом знал*» (эмоции) + «*Я перехожу на сниженную лексику*» (стилистика). Таким образом, в данной модальной / модусной рамке представлено субъективное восприятие мира через значение слова и коннотацию, смысл которых формирует четыре компонента: оценочный, экспрессивный (интенсивность через образ), эмоциональный и стилистический.

При проведении лингвистической экспертизы оскорблений необходимо учитывать презумпцию говорящего (хотел оскорбить или не хотел), презумпцию слушающего (хотел оскорбиться или не хотел), а также всю вышеперечисленную модальную / модусную рамку высказывания, параметры КЭС, в которой высказывание употреблено. Становится понятной вся сложность, лежащая на плечи лингвиста-эксперта, и этот факт судебные инстанции должны учитывать. А при отсутствии жестких правовых норм такая экспертиза зачастую становится субъективной.

Как пишет А.А. Залевская, «образы сознания отображают и предметное содержание, и личностное отношение к нему» (Залевская, 2001). Выше мы уже отмечали, что люди общаются через обмен образами, а поскольку образное сознание у каждого индивида специфично, то и коммуникативные образы различны и являются препятствием для успешной коммуникации. Именно это препятствие часто провоцирует эмоции недовольства друг другом, приводя к конфликтам и вербальным дуэлям. Примером подобных ситуаций является различное отношение / образ восприятия спортивных соревнований разными людьми: для фанатов – это реальная жизнь, в которой они сходят с удовольствием с ума; а другим безразлично все, что связано со спортом. И это тоже реальная жизнь, только другая. И как фанатам никогда не понять равнодушных к спорту, так и, наоборот, для обычных людей спортивный фанатизм есть отступление от норм. Реальной жизни так много, что в целом делает саму жизнь кажущейся, существует множество языковых миров, которые кажутся реальными.

Лингвистам давно известно, что необходимо различать так называемый реальный мир и языковые миры. Эти две сферы образуют «ножницы», между лезвиями которых находится человек говорящий. И в этой ситуации ему трудно оставаться homo sapiens, так как фактически он находится в шизореальности и ведет себя соответственно ей (см. ниже о шизореальности).

Т.И. Семёнова утверждает: «что – внутри нас, то и снаружи». Но поскольку внутри нас не может быть вмещён весь окружающий мир, что вполне естественно, поскольку вместители не слишком ёмко, то все, что снаружи, –

это действительно явная кажимость. Но, с другой стороны, по нашему мнению, внутри у каждого индивидуума имеется нечто свое собственное, чего нет в окружающем мире. Однако реальный мир (то, что снаружи) не может состоять только из того, что внутри, ведь человек может имитировать, симулировать, скрывать, фантазировать то, что у него внутри. Напомним, что внешнее проявление чувств отличается от реально испытываемых эмоций – здесь всегда имеет место рассогласование внутренней сферы человека и внешней симптоматики. Нередко это объясняется коммуникативной ситуацией, когда человек вынужден быть неискренним. Иногда это объясняется адаптивной функцией человеческого сознания, т.е. приспособлением к той или иной ситуации в социальных целях. Так что в этом месте мы не можем согласиться с Т.И. Семёновой, хотя принимаем её позицию, согласно которой человек не видит реального мира никогда в целом. Он видит только кажущийся мир или его фрагменты, которые тоже могут быть кажущимися. В этом и заключается сложность языкового общения людей и их частое несогласие друг с другом. Эта кажимость у каждого субъекта своя: отсюда и коммуникативные помехи / провалы / конфликты, особенно ярко проявляющиеся на межэтническом и межкультурном уровне (возраст, образование, гендер и т.п.).

В этом мире все относительно (А. Эйнштейн) и зависит от точки зрения, а она поливариативна. Эту точку зрения мы в свое время назвали эмоциональным дейкисом, потому что точка зрения всегда эмоционально нагружена (Жура, 2000; Сребрянская, 2005). Это особенно заметно на примере эмоциональных коммуникативных ситуаций: не только ситуации могут создавать эмоции, но и сами эмоции могут создавать ситуации (протестные раздражительные эмоции способствуют созданию конфликтных ситуаций, а интимные ситуации провоцируют эмоции ласки, нежности, радости, счастья и др. положительные эмоции в различных комбинациях или кластерах).

А вот с утверждением Т.И. Семёновой о том, что все люди, которые в разные периоды твоей жизни находятся рядом с тобой, ты притянул сам, мы согласны. Человек так устроен, что он не будет, по крайней мере, долго держать около себя людей неинтересных, неприятных или ненужных ему. Мы тянемся только к тем, кто нам нравится, и навязчивых людей долго не терпим. Иногда решительно порываем с многолетними друзьями, коллегами, как только появляется новый эгоистичный интерес.

В состоянии аффективного комплекса человек не осознает (не понимает) своих решений. Зачастую эмоциональные решения являются глубоко ошибочными и приводят к нарушению многочисленных связей, планов. Именно поэтому и в сфере человеческих персональных и групповых отношений многое кажется, а потом перестает казаться, и на его смену приходит новое кажущееся. Все в этом мире нестабильно, потому и совершаются бесконечные межличностные трагедии: казалось одно, а оказалось другое. И так без конца.

Мы теряем близкого человека иногда, из-за одного слова, взгляда, поступка. Кажется, что мы хорошо знаем и чувствуем его, а оказывается, увы, нет. И человек был близким, а превратился в чужого, даже врага. Выходит, что

наши чувства и когнитивные рецепторы неправильно нас информируют о нем, и мы не видели его реального настоящего. Мы видели его таким, каким хотели видеть, пока ему было это выгодно, а возможно, он и сам не знал себя настоящего. И вдруг в определенной ситуации открылась эта новая валентность, и люди стали врагами. Теперь всё зависит от того, как поведёт себя один из них: начнёт предавать, мстить, дружить с кем-то против бывшего партнера и друга? Все варианты возможны.

И человеку трудно к этому порядку вещей привыкнуть. Отсюда и бесконечные переживания, разочарования, конфликты, обиды и т.п. Как выработать у человека иммунитет против вечной кажимости, науке пока неизвестно. Но уже известны сценарии модуса кажимости в этнических культурах (см. китайский сценарий реагирования на жизненные неприятности: [Вежбицкая, 1996, с. 394]).

Дж. Остин и Дж. Р. Сёрль давно уже заметили, что есть серьезные различия между тем, «какими вещи представляются нам, и каковы они в реальности» (Austin, 1979; Searle, 1974). Рекомендуются не замечать, не преувеличивать, не преуменьшать то, что видишь / слышишь, так как все вокруг субъективно и только кажется. Поэтому семантика слова, произносимого и слышимого апроксематична, стохастична и часто не имеет никакой связи с реальными признаками, качествами объекта / субъекта. Окружающий мир создается языком человека и его мышлением, мир – это то, что порождается языком. Научная и наивная картины мира создаются языком, но ни та, ни другая не является объективной, потому что они создаются человеком, а он скорее *homo sentiens*, чем *homo sapiens*. Использование языка всегда субъективно, следовательно, язык создает только субъективный мир. Реального мира в языковой репрезентации не существует. И это надо признать раз и навсегда, как методологическое положение лингвистической науки и человековедения в целом (см.: Goleman, 1997).

«Миры создаются при помощи слов, цифр, картин, звуков и любых иных символов в какой угодно среде» (Н. Гудмен) (цит. по: Семёнова, 2006, с. 30-31). По мнению В.П. Руднева, «человек все время находится, сам того не зная, в мифологическом мышлении» (Руднев, 2011: 35), что и затрудняет общение людей друг с другом, потому что у каждого из коммуникантов свой набор мифологем и свои смысловые поля даже внутри одной КЭС. В этом плане ведут речь о факторе субъективизма в языке. Это тоже следует признать методологическим положением современной лингвистики (Иванов, 2004).

Различными являются и формы присутствия человека в различных КЭС: если человек обладает эмоциональным интеллектом, то это один набор форм; если он лишен его полностью или каких-то его конституэнтных, то это другие наборы форм. Напомним в этой связи высказывание Аристотеля о правильной форме выражения гнева в соответствующей КЭС (подробнее см.: (Шаховский, 2007)).

Поскольку язык является одновременно и результатом когнитивной деятельности, и ее средством, то он участвует в формировании модуса / модальности общения. Такая модальность и задает форму участия человека в

КЭС: по одной только модальности (просодической, интонационной, лексико-семантической, стилистической, грамматической) коммуниканты без труда определяют эмоциональный настрой говорящего и его аксиологическую ауру, а также модусный вектор, от которого зависит результат общения, его эффективность. Благодаря этой форме коммуниканты также чувствуют эксплицитный или имплицитный модус оскорбления, которое, однако, как мы выше отмечали, может быть и нереальным, а только кажущимся. Между первым и вторым - очень тонкое семантическое различие, параметры разграничения которого юрислингвистикой еще не установлены. Это как раз проблема лингвистической бинарности «есть VS кажется».

Никем не оспаривается мысль о том, что «резиденцией» эмоций человека является сам человек, и от их наличия и качества зависят в целом весь модус самого человека и его модусное восприятие окружающего мира и самого себя в этом мире. Отсюда завышенная / заниженная самооценка, отсюда и отношение к речевым партнерам, к их коммуникативным поступкам и делам. По визуальному поведению речевого партнера любой человек может судить о его отношении к другим коммуникантам, потому что теловая семиотика (Крейдлин, 2004: 184), излучает соответствующие информационные сигналы. А поскольку они тоже кодируемы, то они легко реципиентом декодируются. Осуществляется все это через интроспекцию своих и чужих эмоций субъектом речи и через его семиотическое поведение.

Все эмоции кодированы внутри данной этнокультурной общности, а, по мнению А. Вежбицкой, многие из них кодированы универсально, что и обеспечивает межкультурное эмоциональное общение (Wierzbicka, 1999). Это особенно относится к теловым и паралингвистическим эмоциям (балет, пантомима, живопись, скульптура, архитектура и т.п.). Их семиотика универсальна и при наличии эмоциональной / эмотивной компетенции и коммуникативных умений легко декодируется, что обеспечивает адекватную эмоциональную отдачу, даже при когнитивных «расщеплениях» одного и того же смысла в разных этнокультурах.

Как отмечает В.П. Руднев, при шизофрении (сознание, расколотое надвое), больные не понимают того, что с ними происходит: они видят мир не таким, как все окружающие, «нормальные люди». Язык превращает мир в фикцию, поскольку все слова условны. Истина скрыта от человека, т.к. «все нормальные люди живут в шизореальности и строят шизокультуру» (Руднев, 2011: 5-6).

В оправдание своих тезисов В.П. Руднев приводит такие примеры: «Человек, который говорит про копые, что это кошка, гораздо умнее того, который называет это копьем, потому что копые и кошка – это просто слова и, как их не назови, они будут одинаково вымышленными, одинаково непохожими на то, что они якобы означают» (там же, 8). «Шизофреник, понимающий оба языка, осознает, что слова произвольно могут сочетаться со всеми другими словами, потому что все слова условны» (там же, 22). Это объясняется тем, что шизофреники осознают принципиальную безграничность валентностей слов, принадлежащих миру того или иного языка. У них они

значительно шире, чем у нормальных людей, и поэтому их креативность более неожиданна, а иногда и более точна. Вероятно, сходной природы - и словотворчество поэтов, прозаиков, проявляющееся в языковой игре, в приемах порождения сочетаний, открывающих новых семантические валентности языка: «*путьски бятые*», «*глокая куздра*», «*colourless green ideas*», того же происхождения креативные языковые потенциалы журналистов, придумывающих новообразования разного типа: *клептократия, дымократия, брехлама, злобро, инфотейнмент, кардиограмма эфира, принуждение к митингу* и т.п. Такие сочетания тоже кажутся шизофреническими, но только на первый взгляд. Из дальнейших контекстов становится очевидной вся глубина языковой игры автора.

Оскорбление как коммуникативный фактор конфликтной ситуации

*«Как беден наш язык! – Хочу и не могу. –
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною.
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковою».*
А.А. Фет

Дискурсивные практики показывают, что человеку трудно пройти по жизни бесконфликтно. Зачастую конфликты возникают совсем неожиданно и, как людям кажется, сами по себе. Начинаются они всегда легко и чаще всего молниеносно, могут тянуться годами и обладать сильной инерцией. Коммуникативные выходы из конфликтных ситуаций всегда затруднительны и болезненны, поскольку речевые партнеры не всегда владеют тактиками и стратегиями их погашения, а также таким приемом, как психологическое айкидо.

Доказательством снижения порога толерантности, повышения обидчивости, чувствительности к оскорблениям (унижениям), а также все увеличивающегося количества психотравмирующих КЭС является недавний конфликт всемирно известного маэстро Ю. Любимова со своим коллективом в театре на Таганке. Из-за взаимной обиды обе стороны отказались сотрудничать друг с другом. Но ни одна из сторон не подала в суд, значит, в вербальных дуэлях этой ситуации не прозвучали неприличные слова, оскорбившие какую-либо из сторон. Конфликт перешел в форму взаимной обиды и привел к желанию расстаться друг с другом. Ю. Любимов подал заявление об уходе из театра по собственному желанию: «С этим театром у меня все покончено!». Этот конфликт разрешился рационально, тем самым продемонстрировав наличие эмоционального интеллекта у обеих сторон (руководителя и его труппы).

Но таких эмотивно экологических исходов языковых дуэлей, митигационных по своей сути (Тахтарова, 2009), слишком мало (неоднократно судились в конфликтных ситуациях Б. Немцов, Ю. Лужков, Е. Батурина, Э.

Лимонов и др.). Проблема национальной агрессивизации настолько остра, что «хирургическое невмешательство» не приносит пользы. Достаточно напомнить о серьезном международном политическом скандале, связанном с обнародованием закрытой информации на сайте Wikileaks о том, как известные политики в узком кругу характеризуют своих коллег в их отсутствии. Эта информация вызвала бурный эмоциональный всплеск всех политических кругов. Однако все закончилось на рациональном уровне, т.е. довольно экологично (запреты просмотра, замалчивание публичного обсуждения). Произошла сознательная рационализация эмоций, что и послужило коммуникативным выходом из данной глобальной дипломатической конфликтной ситуации.

Этот случай показывает, что как публичные, так и межличностные конфликты могут происходить на двух уровнях: эмоциональном и рациональном. Зависит это от степени интенсивности и тензиональности конфликта, его общественного резонанса и от эмоционального интеллекта конфликтующих сторон: чем он выше, тем скорее происходит рационализация вспыхнувших эмоций, перевод их энергетической мощности в разумное русло и к погашению (хотя бы внешнему) конфликта.

Последнее может происходить только с одной стороны: напомним еще раз технику психологического айкидо, когда адресат оскорбления принимает его спокойно, подтверждает справедливость обвинения, хотя, на самом деле, он так не считает. Это делается в тактических целях – перевод эмоций оскорбляющего в рациональное русло, т.е. сиюминутное погашение эмоций адресанта. Практика показывает, что адресант действительно начинает успокаиваться (Литвак, 2009).

Приведем еще один пример рационального поведения в межличностном конфликте. Неблаговидное, с точки зрения Л. Гурченко (Л.Г.), поведение Б. Моисеева (Б.М.) в Америке, где он спел их совместную песню «Петербург-Ленинград», чего он не должен был делать, взбесило Л.Г., и она с телеэкрана гневно послала Б.М. на х... На данное публичное оскорбление не последовало никакой внешней реакции со стороны Б.М. Напротив, спустя некоторое время, когда Б.М. участвовал в похоронах Л.Г., он со слезами на глазах произнес: «Для меня смерть Людмилы Гурченко является большой личной трагедией». Этим он показал, что не обиделся на оскорбление Л.Г., видимо, понимая и признавая свою вину перед ней. Аналогичная ситуация и в длительном конфликте Л.Г. с И. Кобзоном: Л.Г. неоднократно публично оскорбляла своего бывшего мужа, но он не только ни разу не ответил на это, но и множество раз говорил о ее всеобъемлющем таланте.

Эти случаи свидетельствуют о столкновении рационального и эмоционального уровней различных конфликтов и, соответственно, экологичности, с одной, и неэкологичности, с другой стороны. То есть эмоциональный стимул может вызывать как эмоциональную, так и рациональную реакцию. Вторая – благоразумнее и экологичнее, т.к. она способна погасить или ослабить любой конфликт.

В общем-то на полурациональном, полуэмоциональном уровне длится уже многие годы публичный конфликт А. Пугачевой и С. Ротару. И, похоже, он так и останется вялотекущим. Это еще один тип межличностного конфликта. Такое обычно бывает между мужем и женой, когда уже исчерпаны все эмоциональные аргументы с обеих сторон.

Противоположным вялотекущему межперсональному конфликту является межличностный конфликт, типа Hassliebe – люблю и ненавижу одновременно («нелюбвижу»). В немецкой лингвокультуре имя такого сложного чувства образовано словосложением каждого из имен, а русское новообразование является оксюморонимом, образованным по способу инфиксации и блендинга. Последняя номинация является более сложным речевым образованием (ср. с оксюморонимом *злброд*) (см.: (Коробкина, 2011)).

В конфликтах, упомянутых выше, разобраться вообще невозможно, они бывают затяжными или сиюминутными. Этот тип конфликта наблюдается у влюбленных или у молодых супругов, как правило, после медового месяца. Такой конфликт сопровождается обильными аффективами (в начале уменьшительно-ласкательными, а потом оскорбительными), а вся ситуация – длительная КЭС, переходящая в затяжное эмоциональное событие. Список аффективов, коннотативов, а также потенциативов, трансформирующихся в процессе конфликта в коннотативы и аффективы, может быть бесконечно варьируемым.

Как теперь известно лингвистам, вся семантика ситуативна и, к сожалению, еще нигде и никем не был составлен ситуативный словарь. Такой словарь может быть отнесен к списку словарей будущего. В настоящее время имеются лишь концептуальные попытки составления подобного лексикографического издания. Поскольку в лексических решениях любых коммуникативных актов все ситуативно, это значит, что «горячее слово» (аффектив), да и любой другой эмотив, могут значить все, что угодно. И поэтому, возможно, Шалтай-Болтай у Л. Кэролла не так уж был и неправ, когда говорил: *«Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше. <...> Вопрос в том, кто у нас здесь хозяин»*.

В конечном счете, важнее самовыражение, особенно, в эмоциональной аффектации, а не желание / стремление, чтобы тебя понял речевой партнер. Вот почему люди часто друг друга не понимают, именно поэтому они часто говорят не то, что думают, не то, что хотели бы сказать и, порой, совсем не то, что имеют в виду. Примером последнего выступает следующая оппозиция: имеет в виду (*ты сволочь + матерные высказывания: ё. т. м ...*) VS не имеет в виду (*я тебя ненавижу, бл...; вот какая, бл...; вот (свинья); я тебя убью*). (См. также ниже специальные структуры синтаксиса оскорблений). Отсюда и фраза, использованная в известной песне Земфиры: *«Я убью соседей, что мешают спать»*.

Согласно мнению В.И. Постоваловой «существует столько картин мира, сколько имеется «призм» мировидения, сколько имеется наблюдателей, контактирующих с миром» (Постовалова, 1988: 24), поскольку у каждого коммуниканта своя индивидуальная картина мира, а другая картина мира

является для противоположной стороны кажущейся и не всегда понятной, чем можно объяснить необоснованные обиды. А поскольку «диалогические рубежи пересекают все поле человеческого мышления» (Бахтин, 1979: 194), получается, что в модусе кажимости у каждого говорящего может быть своя тема диалога, что и приводит к обоюдному непониманию и обидам. И диалог получается не реальным, а кажущимся: каждый говорит о своем, а форма диалога соблюдена, т.е. говорят по очереди на параллельные, не пересекающиеся темы.

Часто в состоянии разогнавшегося конфликта люди угрожают друг другу и переходят к взаимным оскорблениям без всяких на то когнитивных оснований, а только в модусе кажимости, т.е. в нереальности, которая ближе к шизореальности. Опять вспомним про «ножницы», которыми люди часто ранят друг друга, находясь в сфере этого модуса даже в неконфликтных ситуациях. В состоянии же конфликта этот модус полностью застигает рациональное сознание. Более того, устная речь, произносимая спонтанно, тем более в состоянии эмоциональной напряженности, зачастую уступает письменной в четкости формулировок и логической последовательности изложения. В «горячем» эмоциональном состоянии речь не может быть четкой ни в фонетическом, ни в лексическом, ни в грамматическом отношении, что приводит к недопониманию, а следовательно, конфликту (*-Ты сказал ...! – Нет, я тебе такого не говорил!*) (см.: Носенко, 1975).

Все чаще в СМИ появляются действительно невыдержанные, оскорбительные статьи и отдельные высказывания публичных деятелей в адрес широкоизвестных и малоизвестных лиц. Конфликтообразующим признаком в вышеприведенном примере судебного иска Азизы против С. Садальского явилось именно аксиологически оскорбительное высказывание в адрес Азизы. А некоторые из этих высказываний только кажутся оскорбительными по форме, особенно если анализируются вне соответствующего дискурса. Но и они провоцируют конфликт между автором и получателем, непосредственным адресатом и наблюдателем. Нельзя забывать о том, что инвективы – наиболее насыщенные многочисленными смыслами знаки, а мат / сильные, горячие слова используются зачастую не для оскорбления другого, а для самовыражения, для выплеска своих эмоций [Шаховский, 2011], что указывает на многовекторность и голографичность мата.

Но и в такой функции инвективы могут быть бесконечно обидными и оскорбительными, даже если адресант не имел намерения обидеть или оскорбить. Поэтому общение посредством мата является неприличным, и за его современную экспансию несут ответственность не только «матерщинники», но и все общество, т.к. оно сегодня относится к мату очень толерантно. Тем не менее, употребление мата, ситуативно, и необходимо учитывать следующее: а) когда это делается без адресата и наблюдателя; б) когда это делается в присутствии адресата и наблюдателя; в) когда это делается только в присутствии адресата. С определенной долей условности можно сказать, что в последнем случае (в) имеет место ситуация оскорбления; в случае (б) -

оскорбление для адресата и не-оскорбление для наблюдателя; в случае (а) - вообще не оскорбление, а «разрядка», канализация эмоций.

Если адресат сообщения является виртуальным или собирательным, а наблюдатель, напротив, реален, именно последний может идентифицировать себя с непосредственным адресатом и реагировать на оскорбление, принимая роль адресата агрессии. Примером такой ситуации является недавний конфликт между известным журналистом Н. Троицким и руководством агентства «РИА-новости», в котором он работал. В случае с С. Сададьским ни гражданское, ни, тем более, уголовное право, ни лингвистическая экспертиза не признала его оценочную характеристику певицы оскорблением, и тем самым официальный конфликт был переведен на межличностный уровень за пределами социального. Об этом свидетельствует неявка самой Азизы в суд, отказ от дальнейших посягательств на С. Сададьского. Напомним, что такое истечение дела объяснилось дискурсивным стилем «Экспресс-газеты», где аналогичные высказывания являются их внутренней нормой. Мы бы сказали достаточно «гибкой» нормой, расходящейся с социальной нормой культуры речи и являющейся, несомненно, проблемной в аспекте параметров эмотивной лингвоэкологии.

В случае же с Н. Троицким дискурсивная норма агентства РИА оказалась намного строже: Н. Троицкий опубликовал свою статью не в издании агентства, а в «Живом журнале» (ЖЖ). Однако агентство отказалось иметь среди своих сотрудников человека с такими конфликтными взглядами, практически обвинив журналиста в экстремизме. КЭС гей-парада в Берлине получила конфликтную оценку Н. Троицкого не по факту события, а по факту поведения участников этого парада, которое нарушало, по мнению журналиста, все допустимые этические нормы, а также нормы поведения человека не только как *homo sapiens*, но и как биологического существа. Доказательством является тот факт, что до данного высказывания Н. Троицкий толерантно отзывался о самом явлении нетрадиционной сексуальной ориентации, о чем неоднократно писал в своем ЖЖ.

Как утверждает Г.Е. Крейдлин, «лингвист и семиотик <...> должны лишь реконструировать то, что скрыто за знаком, итог той редукции, которую осуществил знак в процессе означивания, то есть перехода от вещи к знаку. И реальность для лингвиста и семиотика – это, вообще говоря, смысл и референт знака» [Крейдлин, 2004, с. 81]. Это и не было, на наш взгляд, проделано руководством РИА с семиотикой заметки Н. Троицкого. Таким образом, семантика и семиотика как отдельных языковых знаков, так и целых высказываний могут не совпадать: по семиотике этот знак оскорбителен, а по семантике и ситуации – не оскорбителен, или наоборот. Имел место эмоциональный личностный взгляд на происходящее, а не на сам парад. Все-таки общество должно заботиться об эстетически и этически приемлемом поведении своих граждан, иначе - «анархия – мать порядка»?!

Предотвращению подобной ситуации мог бы, на наш взгляд, способствовать анализ эмотивной (не) экологичности сообщения журналиста. Отметим, что несколько лет назад появился новый жанр в сфере такого

направления науки, как лингвокриминалистика, – лингвистическая экспертиза исковых заявлений в суд о защите чести и достоинства. Эксперт ГЛЭДИСа Е.С. Кара-Мурза разработала новый аспект этого направления – экологическую лингвокриминалистику. И одна из важнейших задач лингвистики в этом жанре и в этой коммуникативной сфере – помочь экспертам и судам разработать методику разграничения собственно оскорблений и аффективов - выплеска эмоций адресантом в состоянии аффекта через инвективы семиотически оскорбительного характера, а семантически неоскорбительного, когда семиотика и семантика эмоциональных оскорблений и аффективов неконгруэнтны. Это очень сложно сделать, т.к. нужен большой и сложный анализ всей КЭС: взаимоотношения между коммуникантами; присутствие / отсутствие наблюдателя; причины, мотива, цели оскорбления; дискурсивных параметров; пропозиции; эмоциональной и эмотивной компетенции адресата и адресанта, а также их эмоционального интеллекта.

Во всех известных нам лингвистических экспертизах подобный комплекс аналитических шагов в полной мере не проводится. Примером может служить лингвистическая экспертиза действительного члена ГЛЭДИСа Е.С. Кара-Мурза по поводу преступления X-а в отношении Y-а в форме высказывания: *«Не знай, за сколько сребряников вы продались? Иуда за 30 продался, а вы не знай за сколько?»* (из личной переписки с Е.С. Кара-Мурза). Именно поэтому результаты таких экспертиз часто амбивалентны и, как правило, не удовлетворяющими ни одну из сторон, задействованных в разрешении конфликта. Отсюда и еще одна ветка вышеупомянутого нового научного направления – экологической лингвоконфликтологии, т.к. к названному выше перечню конститuentов КЭС необходимо добавить еще и этический конститuent, что еще более осложняет поиск экспертами объективного решения поставленного вопроса.

Так, например, конфликтной по своему содержанию является статья «Люди первого сорта» (Блокнот. – 2-8 июля 2011. – № 50.; Электронный ресурс. URL: www.газетаблокнот.рф), в которой в недопустимой для любых видов общения форме из уст регионального политического деятеля О. Пахолкова, члена партии «Справедливая Россия», воспроизводится поток изощренных инвектив, якобы произнесенных членом партии «Единая Россия» О. Матвейчевым: *горлопаны, манипулируемые лохи, завистливые козлы, сволота, говно нации и пр.*

Во второй части этой статьи утверждается, что функционер партии «Единая Россия» Е. Мироненко выступила в своем блоге с заявлением в совершенно непотребной форме о необходимости делить людей на первый и второй сорт. Дискурсом данной статьи является оппозиционная газета «Блокнот», поэтому можно сомневаться в достоверности приводимых фактов, но в любом случае этот печатный текст нарушает все параметры эмотивной лингвэкологии (см.: Солодовникова, 2010), является вредоносным и психотравмирующим, провоцирующим агрессию и создающим конфликтную ситуацию. Невольно приходят мысли о том, что у власти стоят психоаномальные люди. Тем самым, независимо от побуждений, аналогичные

статьи деструктивно воздействуют на ratio и emotio читателей и усиливают психологическую напряженность в обществе. Судя по этой статье, оба адресанта являются психоэмоциональными людьми, что также может не соответствовать действительности, поскольку многие современные публикации вольно или невольно грешат недостоверностью отражения положения дел.

При анализе любой конфликтной ситуации самым сложным является идентификация признаков оскорбительности высказывания. Проблема определения таких признаков действительно суть проблема лингвистики, а, следовательно, и лингвистической экспертизы. Именно отсутствие такого общепризнанного перечня признаков идентификации оскорбительности становится причиной разночтения разными экспертами одного и того же подозреваемого в оскорбительности высказывания в той или иной конфликтной ситуации.

Уже установлены три типа ошибок идентификации классификационных признаков: ложное обнаружение признака; пропуск признака; замещение признака (Беляева, 2011: 49). На наш взгляд, необходимо выделить еще одну ошибку: неразграничение собственно аффектива и коннотатива, когда коннотатив принимается за аффектив и когда семиотика принимается за семантику. Это происходит в случаях неправильной идентификации аффектива - выплеска эмоций без интенции оскорбить. В этом случае кажущееся по форме оскорбительным выражение является всего лишь эмоциональной частицей, а не полновесным оскорбительным по своей семантике знаком (*Вот, бл..., ты меня не понимаешь VS Какая же ты бл...!*).

И это может быть еще одним важным идентификационным признаком (не)оскорбления. При этом повторы аффективов в состоянии эмоциональной напряженности говорящего фактически могут лишь казаться оскорбительными, а на самом деле быть формой канализации эмоций (взрывом эмоций говорящего). Иногда это могут быть не лексические, а смысловые повторы, когда говорящий возмущен и в состоянии аффекта не способен сразу в полной мере найти нужного слова, адекватного своей эмоции, и он выпускает целую серию аффективов. Поэтому для профилактики конфликтообразующих ситуаций и экологичного выхода из них назрела необходимость в специальных учебных пособиях по формированию эмоциональной / эмотивной компетенции в толерантной коммуникации.

На повестке дня у юрислингвистов стоит сложнейшая задача – разработка методики использования уже выделенных лингвистических идентификационных конфликтогенных признаков применительно не только к мату, но и к другим инвективным оценкам, как явным, так и скрытым / косвенным. Основным признаком, значимым для квалификации высказывания как оскорбительного, по нашему мнению, являются следующие оппозиции: «намеренность VS ненамеренность»; «адресность VS неадресность». Поэтому мы согласны с бытующим в литературе по конфликтологии мнением о том, что для ответственности за оскорбление надо установить, что виновный заведомо знает, то есть изначально, заранее осознает оскорбительный характер своего оценочного высказывания. А для этого должна быть создана законодательная

база и введен правовой всеобуч, чтобы оскорбитель не говорил, что он не знал, что за это надо нести ответственность (см. подробнее: (Фишер, Дека Ибрагим Абди и др., 2004; Шаленко, 2010)).

Другими значимыми признаками оскорбительности высказывания являются следующие: наличие специфических синтаксических структур (*что за + неприличное слово (далее – н.с.); ну и + (н.с.); какой (какая) + (н.с.); вот + (н.с.); что за + (н.с.); ты + (н.с.)*), оскорбительные прецедентные имена (*Иуда, Герастрат, Гитлер, Каин, Муссолини, Павлик Морозов и др.*), прецедентные события (*30 сребренников, сожжение Парфенона и др.*); лексика и фразеология мата (для некоторых людей мат независимо от ситуации оскорбительна) и т.п. Эти и подобные им единицы являются формальными маркерами адресности оскорблений.

Однако необходимо заметить, что знак может варьироваться в зависимости от конкретной ситуации, а также препозиций говорящего и слушающего, которые могут не совпадать. Напомним о прагматике говорящего и прагматике слушающего, а также о том, что вся семантика находится не в словарях, а в головах коммуникантов, повторим уже высказываемое нами суждение: «Всё ситуативно». Конфликты и формы его проявления никогда не могут интерпретироваться однозначно. Здесь работают другие «ножницы» - «ножницы» ментальных, стилевых, поведенческих и т.п. различий и модальности кажимости.

Лингвисты же продолжают спорить о точном определении не только конфликта, но и оскорбления как его проявления / демонстрации, а также о способах и средствах его митигации в процессе конфликта (см. примеры смягчительного оскорбления на английском языке выше) в лингвистическом и юридическом плане. Так, например, в одной из своих статей К.И. Бринев пишет, что в юридическом аспекте оскорбление представляет собой умаление чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме (Бринев, 2011: 74). А в практике лингвистических экспертиз в связи с этим определением возникают следующие вопросы: 1) содержится ли в высказывании негативная информация об X?; 2) выражена ли оценка в неприличной форме, вступая в противоречие с нормой и правилами поведения, принятыми в обществе?; 3) носит ли высказывание в отношении X-а оскорбительный характер? (там же, 75).

Естественно, возникает мнение, что вопрос о наличии / отсутствии оскорблений не входит в компетенцию лингвиста (там же, 75). А в самом законодательстве недостаточно точно определены термины «оскорбление», «честь», «достоинство», «неприличная форма». Именно поэтому юристы обращаются к лингвистам за помощью. Оскорбление же и лингвистами, и юристами оценивается с точки зрения его общественной опасности и угрозы ущемления личного достоинства в терминах вины, когда вина в уголовно-правовом аспекте возможна в форме умысла и неосторожности (там же, 77). Это, естественно, влечет за собой разную степень наказания, вплоть до его отсутствия.

Для лингвистов такой признак, как неприличная форма оскорбления, является ведущим, в то время как, например, в гражданском праве, признак «неприличная форма» не является определяющим (там же, 74). Лингвист способен указать на то, что какой-то речевой акт является речевым актом оскорбления. Юрист оценивает, достаточно ли всех признаков, которые были выявлены лингвистами, для квалификации высказывания как оскорбительного, порождающего конфликтную ситуацию.

Исходя из изложенного выше становится очевидным, что содружество лингвистики и юриспруденции требует максимальной осторожности в формулировании окончательных выводов экспертных заключений. Напрашивается мнение о том, что лингвистика, вероятно, берется не совсем за свое дело, расширяя свой предмет. Существует гражданское и уголовное право, в котором до некоторой степени определены гражданские и правовые нормы поведения человека, в том числе, и вербального. Существует Уголовный кодекс, а из него всем правоведам (судьям, адвокатам, прокурорам) давно известно, что такое хорошо, и что такое плохо. И, по нашему мнению, лингвистические экспертизы, пытающиеся представить правоведам чисто лингвистическую, теоретическую подкладку конфликта в любой форме, лишь осложняют задачу правоведам, и перекалывают ответственность за правильный вердикт на лингвистов.

И главная причина такого мнения - в явной и бесконечной субъективности языка, в относительности всех номинаций, во множественности дефиниций, определений, а точнее, в их семантической ущербности. Все это неконгруэнтно семантике множественности миров, в том числе и индивидуальных. Один и тот же судебный иск, например, двадцатью лингвистами-экспертами может быть проинтерпретирован в двадцати вариантах, а истина будет где-то посередине. Вот только в чьей компетенции определить эту середину? Важно, чтобы лингвистическая экспертиза судебных исков не превращалась в профанацию, поэтому лингвист-эксперт должен проходить соответствующую подготовку с получением документа о его квалификации.

В связи с усиливающейся социальной напряженностью, а также общественной, этнической, конфессиональной, межличностной нетолерантностью, вопросы теории и практики конфликтологии должны встать в центр исследовательской тематики различных отраслей науки и, конечно же, лингвистической. Каждая лингвистическая работа в этом русле должна приветствоваться, даже если она спорная. Ибо, как известно, в споре рождается (или не рождается?) истина.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
2. Беляева Е.И. Особенности идентификации новых классификационных признаков структурно-семантической классификации английской аффективной речи // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности:

Сб. науч. статей. Вып. 6. – Н.-Новгород: Нижегородский гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2011. – С. 46 - 57.

3. Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении: пределы компетенции лингвиста-эксперта // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности: Сб. науч. статей. Вып. 6. – Н.-Новгород: Нижегородский гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2011. – С. 73 - 79.

4. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

5. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999. – С. 11 - 58.

6. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М.: Ладомир, 1997. – 330 с.

7. Жура В.В. Эмоциональный дейксис в вербальном поведении английской языковой личности (на материале англоязычной художественной литературы): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2000.

8. Залевская А.А. Текст и его понимание: монография. – Тверь: Тверской гос. университет, 2001. – 177 с.

9. Иванов Вяч.Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.

10. Кант И. Критика чистого разума // Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Мысль, 1964. – Т.3. – 799 с.

11. Кара-Мурза Е.С. «так... воспринимается ли эта информация как чернящая, умаляющая, унижающая деловую репутацию?» (лингвистическая экспертиза как инструмент понимания конфликтогенного текста) // Понимание в коммуникации – 4. Сборник материалов научно-практической конференции. – М., 2009. – С. 142 - 151.

12. Козинцев А.Г. Эмоции, язык, культура (заметки о невербальной семиотике) // Радловские чтения 2005. Тезисы докладов. СПб., 2005. – С. 175 - 179.

13. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: Наука, 1975. – 230 с.

14. Коробкина Н.И. Амбивалентность языковой личности в коммуникативных ситуациях «Добра» и «Зла» // Личность, речь и юридическая практика: Сборник научных трудов международной научно-методической конференции. Выпуск 14 / Главный редактор президент ДЮИ, академик Академии гуманитарных наук РФ, доктор юридических наук, профессор Е.И. Дулимов. – Ростов-н/Д: ДЮИ, 2011. – С. 73 - 76.

15. Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. – Иркутск: Изд. ОГУП Иркутск. обл. типография № 1, 2001. – 261 с.

16. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 584 с.

17. Литвак М.Е. Психологическое айкидо: Учебное пособие. – Изд. 19-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2009. – 218 с.

18. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 223 с.
19. Михайлова М.С. Представление понятия «толерантность» в дискурсе // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 8 февр. 2011 г. / сост.: А.В. Простов [и др.]; ВолГУ, ВГПУ. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. – С. 148 - 151.
20. Носенко Э.Л. Речь в состоянии эмоциональной напряженности (пособие к спецкурсу по психолингвистике). – Днепропетровск: Типография ДГУ, 1975. – 132 с.
21. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8 - 43.
22. Руднев В.П. Введение в шизорельность. – М.: Аграф, 2011. – 224 с.
23. Селье Г. Стресс без дистрессов. – М.: Прогресс, 1979. – 124 с.
24. Семёнова Т.И. Лингвистический феномен кажимости: монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – 237 с.
25. Солодовникова Н.Г. Экологичность эмотивной коммуникации (на материале предвыборных креолизованных газетных текстов): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2010.
26. Сребрянская Н.А. Дейксис и его проекции в художественном тексте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2005.
27. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): монография. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – 382 с.
28. Фишер С., Дека Ибрагим Абди, Лудин Дж., Смит Р., Уиллиамс С., Уиллиамс С. Работа с конфликтом. Навыки и стратегии практической работы с конфликтом. – М.: Издательство «Конфликтологический Центр», 2004. – 234 с.
29. Черенков А.С. Интеракционно-прагматические характеристики категории речевого противодействия во французском дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011. – 22 с.
30. Шаленко В. Философемы и конфликтогемы. – СПб.: Издательство «Компания Спутник +», 2010. – 602 с.
31. Шафиков С.Г. Языковые узоры и мировидение, или есть ли душа у пейзажа? // Языковые единицы в парадигматике и синтагматике. Часть I. Уфа, РИЦ БашГУ. – Уфа, 2007. – С. 250 - 268.
32. Шаховский В.И. Эмоциональная толерантность в межперсональном речевом общении // Русистика / Сб. научных трудов. Вып. 5-6. – Киев, 2006. – С. 62 - 67.
33. Шаховский В.И. Эмоциональный тыюнинг в речевом общении // Язык – сознание – культура – социум. – Сб. докладов и сообщ. Междун. науч. конференции памяти проф. И.Н. Горелова. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2007. – С. 478 - 481.

34. Шаховский В.И. Энергетическая мощь эмоций и дискурсивные нормы // Вопросы психолингвистики. – 2008. – №7. – С. 39 - 43.

35. Шаховский В.И. Многоязычие человеческих эмоций // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. – XVI междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М, 2009. – С. 252 - 253.

36. Шаховский В.И. Мат как коммуникативная «приправа» (в аспекте эмотивной лингвоэкологии) // Экология русского языка: Материалы 2(4)-ой Международной научной конференции. – Пенза: Издательство Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского, 2011. – С. 79 - 92.

37. Austin J. Other minds // Philosophical papers. – 3-d. ed. / ed. by J.O. Urmson and G.J. Warnock. – L.: Oxford university press, 1979. – P. 76 - 116.

38. Goleman D. The Emotional Intelligence. Why It Can Matter More than IQ? – L.: Bentam Books, 1997. – 354 p.

39. Searle J.R. Minds, brains and science. – L.: Harvard university press. – Cambridge, Mass, 1974. – 107 p.

40. Wierzbicka A. Emotions across languages and cultures: diversity and universals. – L.: Cambridge University Press, 1999. – 349 p.

Лексикографические источники

1. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 384 с.

2. Cassell Dictionary of Insulting Quotations. – Cassell: Paperback, 2000. – 311 p.

3. The Giant Book Of Insults: Incorporating 2000 Insults for All Occasions and 2000 More Insults by Safian L. – Citadel, 2000. – 188 p.

4. The Insult Dictionary: How to Give 'em Hell in Five Nasty Languages / By Passport Books - McGraw-Hill, 1988. – Paperback – 127 p.

5. Short Dictionary of Russian obscenities. Compiled by D.A. Drummond and G. Perkins. Second, revised edition. Berkley Slavic specialities. – Berkley, 1980.

6. Za predelami russkix slovarej. – Flegon Press: London, 1973. – 408 p.

7. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. - Электронные данные. – 2011. – Режим доступа: Big-Soviet.ru, свободный. – Яз. рус, 05.07.2011.

Источники примеров

1. Минкин А.В. О вежливости [Электронный ресурс]. - Электронные данные. – 2011. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/article/2011/06/19/598542-o-vezhливosti.html>, свободный. – Яз. рус, 22.06.2011.

2. Mitchell M. Gone with the wind. – Penerbit: Pan Books, 1979. – 1011 p.

3. O'Connor Fl. Short stories. – М.: Mezhdunar. odnos., 1980. – 213 p.

4. Shakespeare W. Romeo and Juliet. – М.: Higher School Publ. House, 1972. – 127 p.

References

1. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. – M.: Arts, 1979. – 424 p.
2. Belyaeva E.I. Identification features of new classification attributes of structural and semantic classification of English affective speech // Theoretical and applied aspects of the study of speech activity: Collected scientific. articles. Issue 6. – N.-Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic Univ. 2011. – p. 46-57.
3. Brinev K.I. Trial linguistic expertise in cases of insult: the limits of linguist expert competence // Theoretical and applied aspects of the study of speech activity: Collected scientific. articles. Issue 6. – N.-Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic Univ. 2011. – p. 73-79.
4. Wierzbicka A. Language. Culture. Cognition. – Moscow: Russian dictionaries, 1996. – 416 p.
5. Golev N.D. Legal aspect of the language in the linguistic coverage // Yurilingvistika-1. Problems and prospects. – Barnaul, 1999. – p. 11-58.
6. Zhelvis V.I. The battlefield. Profanity as a social problem in the languages and cultures of the world. – M.: Ladomir, 1997. – 330 p.
7. Jura V.V. Emotional deixis in verbal behavior of English language person (based on the English-language literature): dis. ... Cand. Philology. Sciences. – Volgograd, 2000.
8. Zalevskaja A.A. Text and its understanding: monograph. – Tver: Tver State University, 2001. – 177 p.
9. Ivanov Vyach.Vs. Linguistics of the third millennium: Questions to the future. – Moscow: Languages of Slavonic Culture 2004. – 208 p.
10. I. Kant, Critique of Pure Reason // Collected Works: in 6 vols. – M: Thought, 1964. – V. 3. – 799 p.
11. Kara-Murza E.S. "... So if this information is perceived as denigrating, detracting, demeaning business reputation?" (Linguistic expertise as a tool for understanding the conflictogen text) // Understanding in Communication-4. Collection of materials of the science and practical conference. – M., 2009. – p. 142 - 151.
12. Kozintsev A.G. Emotions, language, culture (notes on non-verbal semiotics) // Radlov Readings. 2005. Abstracts. St. Petersburg. 2005. – p. 175-179.
13. Kolshansky G.V. Ratio of subjective and objective factors in language. – Moscow: Nauka, 1975. – 230 p.
14. Korobkina N.I. Ambivalence of linguistic identity in communicative situations "Good" and "Evil" // Personality, speech and the practice of law: Collection of scientific works of the international scientific conference. Issue 14 / Editor in Chief, President DLI, academician of the Academy of Human Sciences of Russia, Doctor of Law, Professor E.I. Dulimov. – Rostov-on-Don: DLI, 2011. – p. 73-76.
15. Kravchenko A.V. Sign, meaning, knowledge. Essay of language cognitive philosophy. – Irkutsk: OGUP Publishing. Irkutsk region printing № 1, 2001. – 261 p.
16. Kreydlin G.E. Nonverbal Semiotics: Body language and natural language. – Moscow: New Literary Review, 2004. – 584 p.
17. Litvak M.E. Psychological Aikido: Textbook. – the 19th. Ed. – Rostov n / D: Phoenix, 2009. – 218 p.

18. Maturana U., Varela, F. The Tree of Knowledge: the biological roots of human understanding / Transl. from English. Y.A. Danilova. – Moscow: Progress-Tradition, 2001. – 223 p.
19. Mikhailova M.S. Presentation of the concept of "tolerance" in the discourse // Communicative aspects of modern linguistics and linguodidactics: Materials of Intern. scientific. conf., Volgograd, Feb 8. 2011 / comp.: A.V. Prostov [etc.]; VolSU VSPU. – Volgograd. VolSU Publisher, 2011. – p. 148-151.
20. Nosenko E.L. speech in situation of emotional tension (manual for the course in Psycholinguistics). – Dnepropetrovsk: Typography of DSU, 1975. – 132 p.
21. Postovalova V.I. Picture of the world in human life // The role of the human factor in the language. Language and worldview. – Moscow: Nauka, 1988. – p. 8-43.
22. Rudnev V.P. Introduction to shizorelnost. – M.: Agraf 2011. – 224.
23. Selye H. Stress without distress. – Moscow: Progress Publishers, 1979. – 124 p.
24. Semenova T.I. Linguistic phenomenon of seemingness: monograph. – Irkutsk: ISLU 2006. – 237 p.
25. Solodovnikova N.G. Ecological compatibility of emotive communication (based on election creolized newspaper texts): dis. ... Cand. Philology. Sciences. – Volgograd, 2010.
26. Srebryanskaya N.A. Deixis and its projection in Fiction: Abstract. dis. Dr. ... Philology. Sciences. – Volgograd, 2005.
27. Takhtarova S.S. Category of communicative easing (cognitive-discursive and ethno-cultural aspects) monograph. – Volgograd. VolSU Publisher, 2009. – 382 p.
28. Fischer, S., Deka Ibrahim Abdi, Ludin, J., Smith, R., Williams S., Williams S. Dealing with conflict. Practical skills and strategies for working with conflict. – Moscow: Publishing House "Center for Conflict Management", 2004. – 234 p.
29. Cherenkov A.S. Interactional and pragmatic characteristics of the categories of speech counter in the French discourse: Abstract. dis. ... Cand. Philol. Sciences. – Voronezh, 2011. – 22 p.
30. Shalenko V. Philosophems and konfliktogems. – St. Petersburg.: Publisher "Sputnik +", 2010. – 602 p.
31. Shafikov S.G. Language patterns and vision of the world, or whether there is a soul in the landscape? // Language units in paradigmatic and syntagmatics. Part I. Ufa, EPC BSU. – Ufa, 2007. – p. 250-268.
32. Shahovsky V.I. Emotional tolerance in interpersonal verbal communication // Russian Studies / Collection of scientific papers. Issue 5-6. – Kiev, 2006. – p. 62-67.
33. Shahovsky V.I. Emotional tuning in speech communication // Language – consciousness – culture – society. – Collection of reports and messages. Intern. scientific. Conference in memory of prof. I.N. Gorelova. – Saratov:, Centre "Science", 2007. – p. 478-481.
34. Shahovsky V.I. Energy capacity of emotions and discursive norms // Questions of psycholinguistics. – 2008. – № 7. – p. 39-43.
35. Shahovsky V.I. Multilingualism human emotions // Psycholinguistics in the XXI century. The results, problems and prospects. – XVI Intern. Symposium on psycholinguistics and communication theory. – M., 2009. – p. 252-253.

36. Shahovsky V.I. Obscenity as communicative "spice" (in terms of emotive Linguistic Ecology) // Ecology of the Russian language: Materials of the 2 (4)-th International scientific conference. – Penza: Publisher Penza State Pedagogical University. 2011. – p. 79-92.
37. Austin J. Other minds // Philosophical papers. – 3-d. ed. / ed. by J.O. Urmson and G.J. Warnock. – L.: Oxford university press, 1979. – P. 76 - 116.
38. Goleman D. The Emotional Intelligence. Why It Can Matter More than IQ? – L.: Bentam Books, 1997. – 354 p.
39. Searle J.R. Minds, brains and science. – L.: Harvard university press. – Cambridge, Mass, 1974. – 107 p.
40. Wierzbicka A. Emotions across languages and cultures: diversity and universals. – L.: Cambridge University Press, 1999. – 349 p.

Lexicographical sources

1. Mokienko V.M., Nikitin T.G. Russian profanity. A brief but expressive vocabulary. – Moscow: ZAO "Olma Media Group», 2010. – 384 p.
2. Cassell Dictionary of Insulting Quotations. – Cassell: Paperback, 2000. – 311 p.
3. The Giant Book Of Insults: Incorporating 2000 Insults for All Occasions and 2000 More Insults by Safian L. – Citadel, 2000. – 188 p.
4. The Insult Dictionary: How to Give 'em Hell in Five Nasty Languages / By Passport Books - McGraw-Hill, 1988. – Paperback – 127 p.
5. Short Dictionary of Russian obscenities. Compiled by D.A. Drummond and G. Perkins. Second, revised edition. Berkley Slavic specialities. – Berkley, 1980.

(1,4 п.л.)